

ИСТОРИЯ ОЖИВШИХ БАБОЧЕК

ЕЛЕНА СЛОВА

16+

Елена Слова

История оживших бабочек

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Слова Е.

История оживших бабочек / Е. Слова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

В стенах колледжа, как и за его пределами, все считали Полину распутной девицей. Ее ненавидели. Я тоже ее ненавидела. Правда, всего два с половиной часа в своей жизни. До тех пор, пока не узнала о ее судьбе вне нашего поля зрения. Однажды Полина забрала документы и исчезла. Одни утверждали, что она связалась с плохой компанией, и ее больше нет в живых. Другие — что пошла по стопам своей матери и устроилась на работу «для таких, как она». Вскоре о ней и вовсе забыли. Полтора года спустя я неожиданно встретила ее там, где кто-либо меньше всего ожидал ее увидеть. Тогда я поняла, что все, что у нас было — просто слухи.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Часть 1

Глава 1

Я была последним человеком на этой планете, кто еще всем сердцем верил, что обстоятельства пойдут другим путем, несмотря на то, что моя рассудительная, почти физико-математическая голова, подсказывала: иначе быть не может. О, если бы я разведала об этом как-то по-другому! От друзей или от бабушек на лавке у подъезда, но я увидела все своими глазами и могла бы продать эту информацию какой-нибудь сплетнице за недешевую плитку шоколада. Я стояла у барной стойки, диджей ставил очередной медленный трек, наверное, уже сто первый, дающий мне надежду на то, что он когда-нибудь, все-таки, пригласит меня. Я знала, что не пригласит. Я была для него невидимкой, как, впрочем, и все на той дискотеке. Зато он, как сорвавшийся с цепи бешеный пес, как магнит, заскучавший за металлом, еще до вылетевших из колонки первых нот, очутился прямо рядом с ней, провожая ее в глубины данспола...

Угнетающая картина! Наблюдать за ней было так же гадко, как сожрать бутерброд с толстым куском сала, посыпанным сахаром – ощущения в желудке такие же. Я ушла с дискотеки, оправдавшись перед девчонками, что начались «эти самые дни», а этот безобразный тип со своей ненаглядной подругой вот-вот вызовут у меня что-то вроде токсикоза у беременных. Стало ясно, что мне нет смысла больше приносить домой хорошие оценки, чтобы мама отпустила меня с подругами на студенческие танцы. Ромео нашел свою Джульетту, Дарси – Элизабет, Джек нашел Роуз, а Ян нашел свою Полину. Все банально просто... Так ведь все фильмы заканчиваются.

На каблуках, не пропуская ни одной дырки в асфальте, я почти бежала домой по вечернему холоду и плакала, плакала, плакала...

Полина Кравец поселилась в общежитии технологического колледжа, единственного учебного заведения в нашем маленьком городке, которое находилось прямо напротив моей родной пятиэтажки. Она приехала из небольшого поселка соседней области, преследуя зеленый документ, который позволил бы ей работать швеей в каком-нибудь ателье. Вначале она была просто тенью, плывущей по медленному течению пар и перерывов. Но не успел прозвонить последний звонок ее первого полугодия в наших краях, как какими-то неизвестными мистическими ветрами она перенеслась из задворков студенческой толпы в самый ее центр, встав в ряд с теми, в кого влюблялись, о ком сплетничали, кого ненавидели. Я тоже ее ненавидела! Правда, всего два с половиной часа в своей жизни.

Я поступила в технологический колледж и сразу влюбилась в Яна. Как слона в зоопарке, его нельзя было не заметить: он был тамадой колледжа, звездой всех КВНов, танцевальных и праздничных мероприятий. Конечно же, его трудно было представить без дамского эскорта, но мы никогда не знали, с кем именно он встречался. Правда, потом я узнала, что местная красotka Полина равнодушна к нашему герою, в ее лице остальные его поклонницы давно уже видели опасную соперницу, я же наивно полагала, что это слишком очевидно, чтобы стать действительностью. Однако, моя легковерная философия могла бы сработать на другой планете или в другом жанре, например, в детективе, но она меня подвела, жестоко и больно подвела на той же дискотеке.

Пятно от моих запачканных тушью глаз долго не отстирывалось от любимого сиреневого шарфа, как и долго не отмывалась надпись «Я ненавижу Полину!» на четырех языках на стене нашего туалета. Если бы не мое бедное, в клочья растерзанное сердце, мама ни за что не простила бы мне ту помаду на штукатурке, но, если бы не она, мои сердечные раны еще долго бы

заживали. Моя мама – это кристально чистое существо, как мне кажется, ангельского происхождения, с душой из несуществующего мягкого золота.

Все, от мала до велика, кто знал Полину, были о ней плохого или очень плохого мнения. Ее считали аморальной девицей, чтобы не выразиться иначе. Но моя мама... В церкви ее учили любить и искать что-то хорошее в людях, даже тех, как бы несправедливо это ни звучало, из-за кого разбито сердце ее дочери. Она призналась, что молится за Полину, как за родную, и меня призывала к тому же.

Помимо церкви, мама, как преподаватель черчения в нашем колледже, еще ходила на пятиминутки, где обсуждали все наши проколы, тайны и даже много такого, чего мы сами о себе не знали. Оказывается, кроме внешнего вида и поведения, которые, в принципе, были присущи не только Полине, дурную репутацию она получила еще благодаря слухам. Ее отец ушел из семьи после того, как родилась ее сестра, а мать, которая славилась тем, что моя мама на своем церковном языке называла «блудом», несколько лет назад умерла от малоизученного заболевания, оставив двух дочерей сиротами на попечение бабушки, которая начала свой седьмой десяток лет в слабом здоровье. Тем не менее, как говорят, «яблоко от яблони...», а, судя по рассказам нескольких ее бывших кавалеров, мать многому научила старшую. Говорят, теперь она даже делает «это» за деньги.

Когда я узнала подробности ее биографии, у меня не появилось желания за нее молиться, но с той минуты, как я их услышала, мне стало стыдно за себя и жалко ее. И даже если бы ее ненавидел весь мир, я больше не могла! Пусть ей достанется Ян, пусть они поженятся, пусть они удочерят ее младшую сестру и пусть живут долго и счастливо!

Я часто рассуждаю как ребенок, плохо разбираюсь в романах, еще хуже – в жизни: в ней чувства могут охладеть куда быстрее. Вскоре, с Яном все стало постепенно возвращаться в прежний ритм и оборот. Несколько месяцев спустя стало ясно, что он не собирается жениться ни на Полине, ни на ком-либо другом. Студентки, привыкшие засыпать, мечтая о нем, избавились от бессонницы. Его стали все чаще видеть то в гордом одиночестве, то в компании его многочисленных подруг, а Полину – все реже в стенах колледжа. Потом нашу скуку взорвал инцидент в клубе, где она отличилась крайне безнравственным поведением и ушла оттуда с одним из неприятелей Яна. Вскоре она забрала документы из колледжа и исчезла совсем. От нее остались лишь записи, слухи и страница «Вконтакте», откуда она удалила всех, кто был в списке друзей. Наш маленький городок, которому смело можно было бы дать название «Тоска Смертная», где сплетни являются ведущим развлечением, еще долго хранил память о ней. Пессимисты придумали красочную историю о том, что девушка от безвыходности связалась с бандой, которая и расправилась с ней, и ее больше нет в живых. Оптимисты утверждали, что она пошла по стопам своей матери, уехала за границу и устроилась по профессии (для таких, как она).

Но все темы для сплетен, как прочитанные книги, даже самые интересные, рано или поздно всем наскучили, а на смену им пришли более интересные. Для старушек по телевизору вышли новые сериалы, а для молодежи – серии из жизни их сверстников. Через несколько месяцев Кравец стала для всех спрятанным в архиве воспоминанием...

Глава 2

Полтора года протекли быстрым течением воды в Буге. За это время многие переехали в большие города. Мне тоже предстояло покинуть родные края. С моими слегка перехваленными способностями не хотелось ограничиваться дипломом младшего специалиста, да и сама специальность меня никогда не привлекала. Просто мама решила, что если я останусь учиться там, где она преподает, это продлит мое детство еще на несколько лет. Я подала документы сразу в два вуза в Киеве и, на всякий случай, в один Винницкий.

Поскольку мама считала общежития пределом безнравственности, каждый раз, когда я ездила в столицу, мне приходилось жить с ее братом и его семьей. Дядя, хоть и был намного старше, но очень напоминал маму. Каждое воскресенье они с тетей, будто сговорившись, убеждали меня посетить собрание в их церкви. И если мама, которая после многочисленных попыток приобщить меня к штундистам, уже давно сдалась, то им еще предстояло увидеть, каким крепким орешком является их племянница. Я не была совсем безнадежной атеисткой, мне даже нравилась воскресная школа, но для так называемых собраний для взрослых, мне казалось, я была не готова. Ну, или, если выражаться более честно, мне было скучно. Правда, однажды мне показалось, что, приличия ради, и из уважения к родственникам, можно было бы попробовать высидеть две двадцатипятиминутные проповеди, а потом, по дороге домой, умно кивать, выслушивая комментарии дяди Вани.

В то воскресенье все оказалось не так плохо, как я думала. Сначала проповедовал американец, не скажу, что я была настолько внимательна к теме, чтобы речь меня зацепила, зато она оставила след от ручки на моих ладонях и уйму новых слов на английском.

Второй проповедник использовал много шуток и рассказывал о миссионерском путешествии на корабле вокруг Африки. Я была даже рада, что провела воскресное утро, слушая что-то познавательное. В конце вышла выступать группа из воскресной школы. Наблюдая за милыми движениями детей, исполняющих «маленькую овечку», я заметила держащую для них микрофон девушку. Уверена, что в жизни каждой женщины хотя бы раз бывает такое, когда, увидев на ком-нибудь какой-то наряд, она сразу влюбляется в него, а потом долго ломает голову, где найти похожий. В то воскресное утро то же произошло со мной.

Платье средней длины с асимметричным воротником, необыкновенным рукавом и цветущими деревьями на подоле, где среди ветвей парили маленькие птицы. Это может прозвучать нелепо, но иногда слова не справляются с описанием того, что видели глаза. Я жадно любовалась этим нарядом, и даже мои слабые познания в моде давали мне понять, что его вряд ли можно найти на рынке или даже в бутике. Это, скорее всего, хорошо продуманный вымысел какого-нибудь дизайнера.

Еще больше меня заинтриговало лицо этой девушки, когда я его, наконец, заметила. Чем больше в него всматривалась, тем громче его черты выдавали мне то, во что мое сознание отказывалось верить. Кравец?! Нет! Ее сестра-близнец или, может, призрак? Девушка была, как две капли воды, похожа на нее, или я сошла с ума. Конечно, Кравец, которую я знала, никогда не носила таких длинных и закрытых нарядов, тем более таких изысканных. На ней всегда была масса украшений и косметики, а на девушке, если и вообще был какой-либо макияж, то очень незаметный, никакого излишнего блеска, все сдержанно, но так по-королевски элегантно, как на британской принцессе. Несмотря на это, присутствовало неоспоримое сходство, будто эта девушка – ее двойник из другого мира, где жизнь Полины полностью противоположна той, которая была здесь, или же это ее сестра-близнец, которую удочерили аристократы.

Собрание закончилось, и девушка в платье с птицами исчезла в тени коридора со стороны кафедр. Когда все стали расходиться, мое любопытство настойчиво искало ее среди толпы, глаза мечтали еще разок увидеть ее наряд...

Перед уходом домой мне пришлось совершить массу новых знакомств – от друзей моего дяди до моих сверстников, которые все дружно приглашали на собрания молодежных групп. Когда все эти братья и сестры узнали мое имя, а я выучила с десятков новых лиц, мы спустились в церковную библиотеку, где дяде Ване нужно было взять очередную книгу по трактовке «Откровения».

Потерявшись среди массы посланий и их толкований, я вдруг вновь увидела ее – ту девушку. Заметив мой стремительный взгляд, ее глаза тоже увеличились от удивления, уста растянулись в улыбке и из них, как выстрел в воздух, прозвучало мое имя, и уже не было никаких сомнений, что мы знакомы. Или, может, это мне просто показалось? Это определенно точно не могла быть та самая девушка, которая училась в нашем колледже, у которой моя мама преподавала черчение. Исчезнувшая из наших жизней где-нибудь в Турции или убита бандой. Кто она? И что случилось с той Полиной, которую я знала? Я вдруг поняла, что все, что у нас было – только слухи. За полтора года никто так и не узнал о настоящей судьбе бывшей девушки Яна. Мое любопытство иногда вспоминало об этом, но в тот момент каждая клетка моего разума жаждала объяснения...

Глава 3

Полтора года назад...

Прошло несколько дней после той жуткой дискотеки, но то, что произошло после, по-прежнему вызывало отвращение до тошноты. Полина понимала – в том, что с ней случилось, есть и ее вина, ведь сама решила, что, пофлиртовав немного с человеком, которого ненавидел ее бывший, она отомстит ему. Но за свой импульсивный поступок она дорого заплатила. О том, что ее изнасиловали, знала только сама Полина и тот, кто это сделал. Бороться за справедливость казалось глупой затеей. Это нужно было делать еще тогда, когда кто-то с необъятной и распушенной фантазией решил поднять свой статус, расхваливая ее якобы искусные навыки. Но тогда для нее имело значение лишь то, что Ян знал, что он был ее первым и единственным. Тогда она надеялась, что так будет всегда. А слухи... Они, как раковые клетки в благоприятной среде тоски, быстро размножаются и бросают метастазы, но так как это не смертельно, то зачем с ними бороться? Люди все равно гораздо охотнее будут верить в жуткую, позорную сенсацию, чем в гораздо менее пикантную истину. Это временно облегчает бремя их скуки и помогает увидеть себя выше и лучше того, о ком ходят эти слухи.

А теперь уже поздно. Заявление в полицию она не писала. Свидетелей не было. Разве она сможет что-то доказать? С ее-то репутацией? Тем более, ей не хотелось еще большего позора. И пока ее обидчик уверенно ходил по земле, она твердо решила подняться на несколько десятков метров над ней, чтобы закончить то, что, казалось, как-то постепенно утратило свой смысл.

Высота перестала устрашать почти сразу, и сознание не мутнело от трепета, когда она смотрела вниз. Перед ней не пробежала вся жизнь. Лишь отрезки глупых воспоминаний вперемишку с каким-то нелепым бредом, картинки на рекламных щитах, увиденные по дороге в Киев и отрывки из сериала, который она смотрела, когда ей было лет тринадцать. В одной из последних его серий главный герой, подросток Глеб Леонов, то ли из-за интриг в семье, то ли в личной жизни, тоже решает положить им конец, запланировав «уйти». Для этого он улетает в Лос-Анджелес, забирается на крышу одного из небоскребов, где, по иронии судьбы, вместо задуманного, спасает молодую американку, пришедшую туда с теми же намерениями.

Эта сцена волной сарказма вспоминалась, пока она терпеливо ждала, когда разойдется толпа возле магазина на первом этаже многоэтажки напротив. Когда-то она до инфаркта раскудк была влюблена в Леонова и со сладкой горечью в груди представляла как это – оказаться на месте Ив, той самой девушки. Правда, в Лос-Анджелес она бы вряд ли попала, а если бы и попала, то маловероятно, что ее кто-нибудь пустил бы на крышу небоскреба, да и для прыжка тогда не было бы причин.

Спустя несколько лет, когда у нее в этом мире не осталось никого, кроме младшей сестры и бабушки, когда в ее двадцать все окружение верило в унаследованную ею репутацию, ту самую, что уже много лет порочила их фамилию, причина казалась веской, как бетонный забор. Лучше бы она никогда не выросла! Смотрела бы по телевизору «Платиновую Элиту», ложилась спать в полдесятого, засыпая под саундтрек любимого сериала, который исполнял любимый герой, и мечтала о нем же... Но она выросла, забыла о Леонове, стала влюбляться в тех, кто казались такими же благородными как он, или в красавчиков, как актер, исполнявший его роль. Вот только никто из них не смог сделать ей так больно, как это удалось Яну.

Еще один шаг, и все должно закончиться. И кто ее остановит? Полиция? Санитары из психушки? Главный герой «Платиновой Элиты»? Все они давно уже спали или спасали кого-то другого. Когда толпа разошлась, на всем видимом периметре была только она.

Наконец-то...

– Полина, – услышался детский голос из глубин ее сознания и взорвал тишину.

– Полина! – воскликнула маленькая сестренка, забежавшая без стука в ее комнату несколько месяцев назад, когда та, борясь со сном, пыталась что-то выучить на предстоящий экзамен.

– Марин, ты почему не спишь?

– Мне страшно, – промолвила она, прижимая свое заплаканное личико к Полининой груди.

– Тебе опять приснился страшный сон?

– Нет, я вообще не могу уснуть. Я боюсь, что придут люди из детского дома и заберут меня.

– Не беспокойся, если они придут, мы даже в дом их не пустим.

– А если бабушка умрет? Она говорит, что у нее большое сердце и что ей немного осталось! Я боюсь!

Глаза восьмилетнего ребенка были переполнены страхом и не удерживали слез. Но Полина знала, что девочку было проще утешить, чем ее саму:

– Мариш, ты ведь еще маленькая, ты не понимаешь, все бабушки так говорят, у них так принято – жаловаться на здоровье, ставить свечки в церкви и говорить, что скоро конец. Ей ведь всего семьдесят, она должна прожить еще лет тридцать.

На самом деле, лично она не знала никого, кто бы дожил до сотни, хоть и слышала о таких по радио, но, благодаря этим словам, доверчивое личико сестренки сразу же немного расслабилось, отпуская изначальное напряжение.

– Мы с бабушкой не отдадим тебя никому, если ты будешь себя хорошо вести, – улыбнулась она, поцеловав сестренку в лобик, – хотя, куда мы денемся, даже если ты будешь вести себя плохо, разве мы сможем отдать тебя в детский дом?

Марина залезла к Полине на кровать и хитро утопила головку в одеяле сестры, чтобы вытереть слезы. Полина подвинула подушку и уложила ее рядом с собой. Подготовка к экзамену перенеслась на следующий день. Марина котенком свернулась в клубок, но в ее сердце все еще была тревога:

– Поль, а кто защищает взрослых?

– Взрослых? От чего их нужно защищать?

– Ну, когда мы маленькие, нас защищают взрослые: мамы, папы, бабушки. Например, я боюсь хулиганов из соседнего села, которые всегда сидят возле магазина, но если я пойду туда с мамой или с бабушкой, или даже с тобой, я знаю, что вы меня будете защищать, и мне не страшно. Но кто защищает взрослых? Они ведь тоже кого-то боятся?

– Взрослые сами себя защищают, а если не могут, то обращаются в полицию. Не бойся, никто тебя в обиду не даст. Спи!

«Нет, сестренка, я соврала, здесь нет никого, кто бы защищал взрослых. В этом мире каждый сам за себя, и когда ты вырастешь, то поймешь, что была права, когда боялась».

Ветер бросил ей в лицо холодную пощечину, сердце обливалось кипятком в осознании самого главного, что вдруг существенно стало колебать ее решительность. В какую сторону сделать шаг? Полина вдруг поняла, что выбор остается за ней, но так будет только до тех пор, пока ее стопы ощущают под собой бетонную плиту; но его не станет, как только она сделает шаг навстречу непобедимой гравитации...»

Стрелки на часах в спящих квартирах передвинулись на несколько миллиметров, и ее сердце успело сделать пару толчков до того, как она приняла решение. Под ее ногами все еще были двенадцать этажей и ночные огни. Безразлично спящий город вдруг шепнул ей еще одно маленькое утешение. В нем ведь почти три миллиона жителей, и есть лишь несколько живых душ, которые знакомы с ней. Никому из них даже не известно о том, что произошло после дискотеки. Никто не знает о ней ничего позорного, никто о ней ничего плохого не думает. Мало того, никто из них о ней не думает вообще. И ведь зачем возвращаться назад, если можно

свернуть направо, налево, пойти на север, на юг, и попробовать заново, даже здесь в столице. Просто попробовать, и если не получится, попробовать еще раз...

Глава 4

Ближайшей знакомой Полины в Киеве была ее двоюродная сестра Маша. Последний раз Полина приезжала сюда три года назад, чтобы повидаться с ней, когда та училась в университете. Полина плохо ориентировалась в столице, поэтому выбрала именно этот район, поскольку только его за пять дней пребывания в гостях у сестры ей удалось немного изучить. За это время здесь мало что изменилось.

Было только два вида транспорта, которыми можно было воспользоваться в это время суток – это такси и маршрутки. Так как изначально возвращаться домой она не планировала, собранную по карманам мелочь нужно было экономить. Сдачи, оставшейся с билета в Киев, достаточно было на самую дешевую электричку третьего класса до Винницы и на беляш на привокзальном рынке, ну или чтобы дважды проехать на метро, но никак не на такси. Ждать до утра здесь на лавке слишком небезопасно и холодно.

При свете фонарей можно было сориентироваться, как попасть к кухне, но она была не настолько близка с ней, чтобы явиться туда, когда время уже давно перевалило за полночь, тем более, что за последние три года единственным общением между ними были лишь СМС-поздравления с праздниками. Тем не менее, на детской площадке возле Машиного дома была беседка, где можно было спрятаться если не от холода, то хотя бы от дождя, капли которого становились все гуще. После двадцати минут блужданий по ночным кварталам дождь начал усиливаться, перерастая во что-то ужасное. Он словно сговорился с сильным ветром, чтобы наказать ее, и небо гремело от их гнева. Молнии раздирали его на пылающие осколки, казалось, они вот-вот упадут на землю. Когда Полина, наконец, дошла до той самой беседки, то поняла, что еще немного, и эта небольшая крыша без окон совсем не спасет от воды, проникающей сквозь ажурные стены.

Усевшись на лавочку внутри, прижав колени к груди, она сжалась от холода. До полуночи, наверное, здесь тоже были люди, которые возвращались домой и могли бы впустить ее в подъезд. Так, всего несколько часов назад, она попала на крышу. Но в это время вряд ли можно дожидаться кого-нибудь, возвращающегося домой. Теперь ей ничего не оставалось, кроме как ожидать, пока рассвирепевший до безумия дождь промочит ее насквозь, и вместо того, чтобы начать жить с пользой и искать работу, она заболит и принесет массу хлопот.

Хотелось спать, но от сильного холода заснуть не получалось. Подняв глаза, она отыскала взглядом балкон кухни и представила себя там, но воображаемое тепло не согревало. Внезапно, сквозь густую стену капель она заметила небольшой проблеск надежды. В находящемся рядом окне, которое относилось к кухне Маши, горел свет. «Значит, она не спит...».

Несколько раз мысленно посчитав этажи и представив расположение квартир внутри, она убедилась, что свет, действительно, горел там, где ей нужно, и она будто почувствовала тепло от мягкого, сухого одеяла. Но как объяснить свой визит? Любая лож казалась лучше правды, и она уже репетировала возможные варианты: «Приехала поступать на дизайнера, как когда-то мечтала, потом решила прошвырнуться по магазинам, купить что-нибудь, чего нет в Виннице, и так сильно увлеклась покупками, что опоздала на поезд и все такое...». Правда из-за отсутствия самих покупок этот вариант не прокатит.

Искупив в нескольких лужах обувь, она перерезала ливень путем к подъезду, успокаивая себя, что солдатам во время войны еще и не в таких экстремальных условиях приходилось ночевать.

– А, может, рассказать ей правду? – смеялась над собой Полина, набирая номер квартиры на домофоне.

– Алло?

Если бы даже свет горел не в той квартире, то там где нужно точно не спали. Трубку сняли всего после двух гудков, будто ее прихода ждали. Только от этого не стало легче. Последовавшее после нажатой кнопки ответа «Алло» было произнесено мужским голосом. К своему стеснению и разочарованию, Полина заколебалась. Стало ясно, что по ту сторону провода был кто угодно, только не Маша.

«Какая же она глупая». Прошло ведь три года. В лучшем случае, у Маши есть парень, который вряд ли будет рад ее визиту. Куда хуже, если она переехала или, может, это вообще не ее квартира и подъезд не тот. Облом! Как в фильме «С легким паром!».

– Кто это? Говорите... – продолжал голос.

Полина испугалась. Даже дождь не смог смыть того, насколько глупо она себя чувствовала.

– Я... Я к Маше, – робко ответила она.

– К кому? К Маше? Она же здесь не живет.

«Конечно же – она здесь не живет!»! Надо было сразу довериться голосу здравого смысла. Может, она бы меньше намочила и не сгорала бы теперь со стыда.

– А вы кто? – послышалось из мигающего зеленым светом аппарата. Оставив этот вопрос без ответа, дрожащими от страха и холода едва

ощутимыми пальцами она нажала кнопку сбоя.

Дождь даже не собирался переставать, и Полина, как раскаявшийся преступник, уже не противилась наказанию. Она ненавидела себя за то, что она, вообще, приехала сюда.

Не пропустив ни одной из луж, в которые вступала по дороге к подъезду, она вернулась в беседку, где каждый миллиметр потрескавшейся краски на лавке был пропитан водой. Свернувшись в прежнюю позу, она принялась считать секунды до далекого утра и совсем не заметила, как вскоре дверь подъезда открылась. Услышав шаги за спиной, девушка испуганно оглянулась, ее глаза встретились с ослепляющим светом фонаря.

– Эй, это ты тут людям спать не даешь? Звонишь в домофон в полвторого ночи? – Доносился из-под плаща тот самый голос, который она услышала в домофоне. И, хоть вполне логичным в данной ситуации было бы быть раздраженным не на шутку, в нем она услышала нотки юмора.

– Простите, я думала, там живет моя сестра. Я, наверное, все перепутала.

Полине было стыдно и страшно, что парень сейчас, чего доброго, милицию вызовет. Как же она объяснит теперь, что делала в Киеве. Теперь уже не выкрутиться.

– Простите меня, пожалуйста. Вы только не подумайте... Я не пьяная и не сумасшедшая, – захлебываясь слезами, выдавила Полина, – я просто застряла здесь, транспорт не ходит, а мне некуда больше идти.

– Да не надо, не беспокойся, – голос по-прежнему не казался раздраженным, и силуэт призрака стал выглядеть больше похожим на человека, – я хорошо знаю Машу, она уже почти год как переехала. Пойдем в дом, а то я из-за тебя замерзну.

Полине было слишком холодно, чтобы бояться, да и слишком поздно, чтобы что-то терять. Ее смерть осталась ждать ее на крыше в нескольких кварталах отсюда, на тот случай, если она вдруг передумает жить, или плащ с фонариком окажется маньяком. Покинув беседку, два промокших капюшона поднялись на третий этаж, где перед Полиной открылись двери в ту же квартиру, где она провела пять счастливых дней три года назад. Правда, уже в прихожей она заметила, что внешне квартира была немного изменена. Ее новый житель, к счастью, оказался совсем не похож на маньяка. Плащ положил фонарик на стол и легким движением рук превратился в темноволосого паренька с задумчивыми серыми глазами и приветливой улыбкой. В чертах его лица она узнала что-то почти родное.

– Антон?! – вырвалось из карточек ее памяти.

– О, теперь понятно, какая двоюродная сестра! Хотя нет, не совсем понятно! Кто ты? И что ты сделала с той маленькой хитроглазой девочкой, которую я знал раньше?

– Ты тоже вырос! – окинула она взглядом молодого человека.

Когда она видела его последний раз, он был очень худошавым, помешанным на учебе мальчишкой. Каждое лето он приезжал в село к дедушке. Он был старше Поля, но, не смотря на то, что среди детей были и его одноклассники, реже других выходил играть. Часто его видели на крыльце, увлеченно читающим книгу. Многие не понимали этого, но когда Поле было двенадцать, и ей безумно нравился Глеб из «Элиты», она стала думать, что он тоже влюблен в какую-нибудь героиню, и в этом, ей казалось, они были похожи. Другие просто считали его вундеркиндом. После смерти дедушки родители Антона продали дом, и, с тех пор, он больше не приезжал.

Оказалось, что в квартиру, которую раньше снимала Маша, он попал чуть меньше года назад по ее же рекомендациям, когда она решила переехать к своему жениху, о котором Полина еще не знала. Правда, Антону с жильем повезло больше. Хозяйева успели сделать ремонт, и от привычной совдеповской захламленной хрущевки или, выражаясь деликатней, квартиры в стиле коммунистического винтажа, мало что осталось.

Согревшись теплым чаем на кухне, которая лишь по своей планировке была похожа на прежнюю, Полина перешла в гостиную. Пока Антон раскладывал диван, за стеной послышался звонок скайпа.

– Ты располагайся здесь. Будь как дома, а мне нужно срочно пообщаться с другом. У нас сумасшедшая разница во времени, и сегодня первый раз за два месяца, когда я решил дождаться его.

Перед своим уходом он достал из тумбы под сервантом тяжелый шерстяной плед. Завернувшись в него, наслаждаясь неожиданным комфортом, она стала с любопытством рассматривать преобразенную в двадцать первый век комнату. Ремонт кардинально менял внешний вид жилища, но именно новый ее постоялец внес туда атмосферу, не вызывающую ностальгии о прошлом. Она была умело создана маленькими, без навязчивой значимости, вещами, подобно аксессуарам в одежде, которые так любила Поля. Именно эти небрежно расставленные диковинки на столе и на полках книжного шкафа помогли узнать, насколько изменился их владелец. Керамические гондолы и деревянные маски, индейские украшения из перьев, миниатюрные человечки в сомбреро, разноцветные животные, куклы в национальных костюмах сияли многокультурным разнообразием.

Среди густо прикрывающих пустоту стен автомобильных номеров из нескольких штатов США, табличек с цитатами и многочисленных фотографий мировых достопримечательностей, Полинину внимание привлекло фото, которое случайно пробудило в ней что-то светлое, наивное и приятное. По всем признакам это оказалась ее собственная мечта, самая большая, которая уступала по значимости лишь мечте о ее встрече с любимым актером. Когда-то, как одна, так и другая, они были оставлены на скамье средней школы из-за их неосуществимости. Воспоминание о них вспорхнуло подобно движению крыл мотылька, когда она увидела фото девушки на фоне Бруклинского моста в Нью-Йорке. Ее лицо было против солнца, и его практически не было видно, лишь силуэт, куда Полинину воображение поместило ее саму, как она это делала когда-то, когда видела другие фото заветной страны. Но здравый смысл сразу же вывел ее обратно в пространство реальности, где, по словам ее мамы, нет места пустым фантазиям:

«В жизни нужно сделать три вещи: получить хоть какую-нибудь специальность, чтобы была уверенность, что ты не умрешь с голоду. Выйти замуж, и чем раньше, тем лучше, так как быть старой девой неприлично в нашей стране. И родить детей до тридцати, чтобы в старости не остаться одинокой. Нужно быть практичной, идти проверенным путем и мечтать только о том, чего ты можешь добиться сама в меру своих способностей».

И в эти пределы не вписываются путешествия за океан, на которые пришлось бы копить правдами и неправдами почти всю жизнь.

Полина выключила свет, чтобы фото девушки спряталось под густой завесой темноты. Не может надеть большая девочка любимое детское платье, каким бы красивым оно ни было, ведь это будет выглядеть глупо и нелепо. Его отдают младшим сестрам, бедным детям в интернат или отправляют на чердак, где оно долго предается забвению. Наверное, то же самое происходит с мечтами из наивного детства...

За стеной два красивых голоса затанцевали в длинном разговоре на английском, убаюкав Полину в глубокий, многочасовой сон. И, как на зло, той ночью ей вновь, впервые за много лет, приснилась Америка...

Глава 5

– Ты так много путешествуешь? – поинтересовалась Полина утром за завтраком, любуясь холодильником, густо заставленным магнитами.

– Не так много, как магнитов на этой дверце. Многие из них мне привозили друзья, а некоторые – просто разные города одной и той же страны. Я успел побывать лишь в нескольких странах Европы, в Индии и в США.

Жилище Антона было одним сплошным музеем географии и туризма, а его кухня – чем-то вроде ресторана в таком музее.

– А я, – иронично вздохнула Полина, – бывала только в России, и то когда была очень маленькой и совсем ничего не помню. Хотя некоторые Россию даже за границей не считают.

– Но это все-таки граница и, как бы странно это ни звучало – там я еще ни разу в жизни не был.

– Значит, я была в той стране, где не бывал самый опытный путешественник из всех моих знакомых?

– Да, представь себе – я никогда не видел ни Москвы ни Петербурга, хотя побывал в Дели и Нью-Йорке....

– В Нью-Йорке? – Полина растаяла от сладкого изумления. – Лучше бы ты мне этого не говорил! Ты ведь знаешь, как я мечтаю там побывать.

– Иногда мечты сбываются, даже самые неожиданные...

– Иногда, – проворчала она. – Самые большие желания сбываются лишь у тех, кто имеет на это средства. У бедных они сбываются только в сказках и голливудских фильмах.

– По-твоему, я разбогател? – рассмеялся Антон.

– Ага. Я бы не удивилась, если бы ты нашел клад или изобрел машину времени.

– Банк ограбил или в лотерею выиграл, – добавил он.

– Ну, еще, наверное, можно быть вундеркиндом, как некоторые.

– Поверь, чтобы работать в ресторанах быстрого питания или носить костюмы мультяшных героев в парках развлечения зашкаливающего IQ не надо.

Он кивнул в сторону смешного фото, где на гигантском плюшевом теле виднелось чье-то лицо вместо головы собаки Гуфи, которую он держал в руках. Теперь она знала точно, что это был Антон.

– Но ты ведь не только ради этого ездил за границу?

– Нет. На самом деле, я участвовал в культурных мероприятиях и проходил практику. Но вначале, для того, чтобы хоть немного заработать, мне достаточно было всего лишь немного английского.

Заметив полку с книгами над столом, которые, наверное, просто не помещались в гостиной, она на мгновение перенеслась в прошлое.

– А помнишь, как Филипп хотел забрать твои книги, когда ты оставил их на крыльце?

– Ага, и грозился сжечь их в бабушкиной печке! Я-то помню, а ты ведь совсем маленькая была!

– Да, его мама заставляла читать то, что было задано в школе на лето, и постоянно приводила тебя в пример, я сама слышала.

– Правда? Не самый педагогичный поступок отчитывать его, еще и при тебе. А я-то думал, он злился потому, что ему было не с кем играть.

– Но они остались целы.

– И все благодаря тебе. Спасибо, что предупредила меня.

Антон тоже улыбнулся, будто вспомнил что-то приятное.

– А, кстати, как там твой большой секрет? Я по сей день никому не рассказал.

– Зато я рассказала, – хмуро вздохнула она.

– Ты сама рассказала?! Ты ведь практически заставила меня поклясться, что я унесу его с собой в могилу!

– У меня не было другого выбора. По телевизору шла последняя серия «Платиновой Элиты», а у меня на следующий день была контрольная по математике. Мама заставляла идти спать очень рано и запретила смотреть ее. Мне пришлось признаться, что я люблю Глеба. Я даже рассказала, что это у меня уже давно.

– С первого сезона? – улыбнулся Антон.

– Ну, да. Мне стало так стыдно, я покраснела и расплакалась. Я боялась, что она на меня накричит, но она, представь, разрешила мне посмотреть ее и даже купила мне набор тетрадей с Волгиным на обложке.

– Вот видишь, я же говорил, что ничего страшного не случится, если кто-то узнает. А помнишь мой психоанализ?

– То, что сериал закончится и уйдут все мои чувства? Если бы мы с тобой поспорили, то ты бы проиграл. У меня с этим не все так просто, – грустно вздохнула она.

– Ты что, хочешь сказать, что до сих пор влюблена в него?! В этого неформала, кем он там был, эмо или гот? Он ведь вымышленный герой, а в жизни – самая обыкновенная страдающая звездной болезнью знаменитость.

– Нет, конечно же, но после окончания сериала я еще почти два года им болела. Просто у меня организм слишком медленно борется с ненужными чувствами. Вот перенес нормальный человек простуду, полежал недельку дома -и здоров, а у некоторых развиваются хронические заболевания, и тянутся они долго-долго. Вот и у меня так, только с влюбленностью. Мне трудно влюбиться, но когда это происходит, я долго с этим мучаюсь.

Ее взгляд парил в воздухе, а сознание рисовало Яна. Если в детстве ей так трудно было забыть любимого актера, которого, если исключить телеэкран, она видела всего лишь раз в жизни, и то на большом расстоянии из толпы, то сколько теперь понадобится времени, чтобы расстаться с прошлым?

– Как хорошо, что вам с этим намного проще, – со всей серьезностью произнесла она, – у ребят чувства испаряются так же, как капли росы на солнце.

– Какие глупости. Наверное, было бы неплохо, если б так было.

– А разве это не так?

– Не все одинаковые. Я знаю парня, который был знаком с девушкой всего год с лишним, но влюблен в нее уже много лет, и до сих пор надеется, что их пути вновь пересекутся. Хотя эта девушка для него почти как для тебя этот актер – недостижимая и из области фантастики.

– А я знаю парня, который изображал поэта одной музы лишь для того, чтобы избежать серьезных отношений, хотя на самом деле складывалось впечатление, что у него каждую неделю новая подруга, – намекнула она на возможные скрытые мотивы его друга.

– Поверь, этот человек верен ей, физически и эмоционально, несмотря ни на что, я-то это точно знаю.

Полина понимала, что если начнется спор, она точно его проиграет. Антон всегда находил правильные аргументы. Еще бы! Он в школе хорошо учился. А еще что-то внутри нее, наверное, шестое чувство, которое, как говорят, у женского пола развито больше, подсказывало, что она знала, кого ее друг имел в виду и, может быть, девушка с фотографии на стене и есть та самая муза.

– Но почему он позволил, чтоб так получилось? Может быть, я старомодная, но он ведь – мужчина. Разве не все в ваших руках?

– Какая разница? От наших решений и поступков зависит многое, но все возможно лишь Тому, Кто создал нас.

– Ну, конечно...

Полина перевела взгляд на висящую на стене надпись: «Как неисследимы пути Его, как непостижимы судьбы Его» (Послание к Римлянам. 11:33). Одну надпись из многих, но из одного и того же источника. Все вокруг свидетельствовало, что ее старый знакомый стал кем-то вроде мыслителя. Из их дальнейшего разговора она узнала, что он верил, что обстоятельства иногда способствуют исполнению желаний, если это угодно Творцу, у которого есть план для нашей жизни, и этот план самый лучший. В какой-то миг ей захотелось поддаться его мировоззрению и тоже хоть на секунду поверить, что Кто-то с высоты небес видит дальше, чем человек. Но очень скоро она вспомнила свое собственное убеждение, которое заключалось в том, что никто не сможет помочь ей больше, чем она сама. «Тогда что же мне делать теперь?» – спросила она у самой себя...

Самым логически адекватным ответом на этот вопрос, конечно же, было искать работу, чтобы хоть как-нибудь быть полезной семье, и главное, подальше от родных мест. Вот только опыта у нее практически нет, образования – тоже, а в ателье полно других швей с опытом и дипломами. Наверное, начинать нужно было с того, что Антон в любом случае созвонится с ее кухней и придется придумывать повод, чтобы с ней встретиться, заодно можно этим поводом и воспользоваться.

– Кстати, что тебя привело в Киев? – поинтересовался он, когда подвозил ее к вокзалу после завтрака.

Конечно же, она была готова к этому вопросу. Мысленно репетировала еще тогда в беседе: «Покупки, день открытых дверей в каком-то университете...»

– Ищу работу, – выдавила она. Как-то стыдно было говорить стопроцентную ложь в лицо человеку, на чьих стенах висело столько цитат из Священного Писания. Хоть это и не было целью ее поездки, это на самом деле выдвинулось на первый план, раз она все-таки продолжает существовать.

– Слышал, ты учишься на швею?

– Нет, уже не учусь.

– Закончила?

– Отложила на время учебу.

К счастью, он не стал спрашивать, зачем и почему. Но гору с плеч сбрасывать пока рано, этим уж точно будет интересоваться Маша. Антон позвонил ей, и они договорились о встрече с Полиной на вокзале перед отъездом.

– И что с работой, уже есть какие-то варианты?

– Пока думаю над этим. Вариантов будет немного. Ведь весь мой опыт работы – это поклейка объявлений и распространение рекламы на рынке.

– И это все? Когда я последний раз был в Виннице, видел Галину, дочь ваших соседей, она рассказывала, что ты ей с детьми помогала два лета подряд. Так она утверждала, что ты первоклассная няня.

– Но разве это считается? Они ведь друзья моей бабушки.

– Но ведь они тебе платили за это.

– Да, и неплохо.

– Ну вот, ты имеешь почти шесть месяцев оплачиваемого опыта работы. А няни сейчас нужны.

– Нужны! С педагогическим образованием и знанием методик. Проще уже разносить рекламу. Хотя, в принципе, можно и эту мысль проработать. Ну а ты? – почувствовав, что их разговор заикнулся на ее проблемах, она решила сменить тему, – Чем живешь ты?

– Я – я так, всего понемногу, занимаюсь переводами, пишу статьи... Полина вздохнула с улыбкой. В детстве ей было любопытно, кем он станет, когда вырастет. Теперь она знает. Тогда она представляла его немного помешанным ученым с преждевременной сединой, в очках и белом халате, но оказалось все по-другому. В нем мало что осталось от типичного вундеркинда.

Он не оправдывал ее ожидания и даже перечеркнул некоторые стереотипы. Стал обыкновенным парнем из города. Он увлекался философией, жил религией, и в салоне его машины играли красивые, хоть и недостаточно понятные по смыслу песни:

... Earth has no sorrow that heaven can't heal¹ (¹ На земле нет страдания, которое не способны исцелить небеса. David Crowder "Come as you are").

«Какая чушь! – подумала Кравец после того, как эти слова повторились несколько раз в припеве, – небу, вообще, нет дела до наших страданий».

– Если бы так было на самом деле – наконец промолвила она, – на земле было бы меньше страданий.

Антон, который в уме подпевал исполнителю, понял, что она имеет в виду слова звучащего трека.

– Я согласен с тем, о чем он поет. Только мы сами редко позволяем небу вмешиваться в нашу жизнь.

Он украдкой посмотрел в ее сторону.

– Ты знаешь английский? – почти утвердительно поинтересовался он, услышав, что она смогла понять смысл песни, где были слова далеко не самых начальных азов школьной программы.

– Немного.

В школе Полина была не сильной ученицей, отдавая предпочтение только труду и рисованию. Правда, когда Волгин выпустил сольный альбом с саундтреками к сериалу и еще несколькими песнями, половина из которых была на английском, она впервые, по собственному желанию, взяла в руки словарь. С тех пор она часто им пользовалась, чтобы понимать слова песен, которые слушала.

– погоди, – остановил ее Антон, когда прибыв на вокзал, она выходила из машины, – у меня кое-что для тебя есть.

Достав с заднего сидения свой рюкзак, он вытянул скрученный в трубочку кусок глянцевого бумаги:

– Он хранится у меня уже лет пять. Я все думал передать его тебе Машей, но, как видишь, так и не собрался. А теперь, вот, повезло тебя снова встретить. Сегодня целое утро искал его, думал, что оставил на старой квартире, но таки нашел. Это тебе.

– Что это? – Полина стала увлеченно раскручивать свиток. На нем показалось фото любимого актера во весь рост, а в нижнем левом углу красовался его автограф, поставлен обыкновенной шариковой ручкой, которая даже немного растерлась на завитках. Подпись, в самом деле, была его, настоящая, подлинная.

– Как тебе удалось его достать?

– Это длинная история. Может быть, я как-нибудь расскажу. А сейчас мне пора на работу. До встречи!

После того как они обменялись контактной информацией, Антон уехал, а Поля пошла к кассе. Купив билет, она осталась ждать кузину. Опустившись на одну из лавочек на вокзале, она еще раз развернула плакат Волгина. Подумать только, это был единственный человек, чувства к которому не принесли ей много страданий.

Глава 6

Кузины встретились в одном из кафе напротив вокзала, когда до поезда в Винницу оставалось полтора часа. Маша похудела, сменила цвет волос (впрочем, на тот же шатен, только на пару оттенков светлее) и стала на несколько сантиметров ниже, но это, как оказалось, всего лишь из-за отсутствия каблучков.

После объятий и банального обмена комплиментами: «Ох, как же ты выросла... Ах, как похорошела!», последовали расспросы об учебе, о родственниках, которых она давно не видела, выражение сочувствия. У Машки все хорошо. После нескольких лет перерыва она решила вновь вернуться в стены университета и закончить еще магистратуру. Узнав, что кузина сдалась на полпути, внезапно проснувшийся материнский инстинкт тут же потребовал, что необходимо вернуть ее на истинный путь.

– Не буду я туда возвращаться! – возразила Полина. – Да и кому я там нужна?

– А как же твоя мечта?

– Я мечтала стать первоклассным дизайнером, а не швеей в ателье. И туда, где я, на самом деле, хотела бы учиться, не так просто поступить. Да и денег у меня нет на учебу.

– Так заработай. Не дурака же ты теперь будешь валять.

– Легко говорить человеку с Киевской пропиской и квартирой, за которую не нужно каждый месяц платить! Я же до старости буду копить на отдельное жилье. У меня еще сестра тоже когда-то поступать будет. Родители, знаешь ли, наследства в валюте не оставляли.

– Да ты уж прости. Это у меня так... вырвалось... Я понимаю, что это не так просто.

Маша на время прекратила разговор, сдавливая в руке салфетку, будто стараясь выжать из нее хоть какую-нибудь удачную мысль, чтобы поддержать двоюродную сестру. Ее лицо всей своей мимикой демонстрировало, что в голове происходит активный мозговой штурм.

– А знаешь, – наконец появилась мысль, – кажется, у меня есть одна идея, где можно неплохо заработать, да еще иногда и в валюте. Сейчас кризис, она дорожает, так что и тебе хватит и, кто его знает, может, и сестренке твоей, чтобы ее вырастить и в университет отправить. Мой Алешка, он ведь барменом работал в одном ресторанчике, так он имеет связь с одним эскорт-сервисом.

– С каким сервисом? – насторожилась Поля.

– Ну, это что-то вроде модельного агентства, где модель могут взять напрокат. Но не в том смысле напрокат. Наши олигархи и богатенькие иностранцы платят огромные деньги, чтобы их на деловую встречу или в ресторан сопровождала красивая девушка. Причем интим, по официальным данным, в ее обязанности не только не входит, но и запрещается по контракту.

Об этой профессии Полина уже слышала. Например, что ей нужно будет только создавать иллюзию, которая подчеркнет хороший вкус и успешность клиента. Для этого, кроме отменных внешних данных, она должна еще и обладать блестящим умом. Хотя, что за глупости! Разве в таком бизнесе может быть все чисто и безопасно?

– Это очень интересная работа для красивых девушек, – добавила Маша.

– Я не уверена, что справлюсь. Я ведь мало что знаю о строительстве и нефти, совсем не интересуюсь политикой, я даже разговора не смогу поддержать, – оправдалась она, надеясь, что кузина имела в виду то, что она будет только украшением переговоров.

– А за это не переживай, главное – научиться умно молчать.

– Ну, даже не знаю... Я, наверное, пока поищу еще что-нибудь. И если, вдруг, здесь, в Киеве, найдется какое-то местечко, дай мне знать.

– Ну, смотри сама, а я все равно узнаю, что да как в этом агентстве. Мне кажется, что в твоём возрасте и с твоими внешними данными это был бы вариант.

По дороге домой, разглядывая убегающие вдаль дома и деревья, Полина вспоминала свои встречи в Киеве и еще раз убеждалась в силе законов логики, которые действуют в этом мире. Антон был умен, начитан и рассудителен, и потому добился успеха. Конечно же, он мог бы пойти и выше, если бы у него были связи. Связи – еще один веский закон, которому в нашей стране подчиняются даже законы логики. А что делать ей, если она не обладает мозговитостью? Зато теперь у нее появились связи, но только где? И что будет, если, в самом деле, придется ими воспользоваться? «Эскортша»... Не самая лучшая профессия... Но куда уж больше можно испачкать свою репутацию? «До чего ты докатилась, Полина!».

От этих мыслей хотелось пить валериану. Она ведь дала себе слово, что даже близко не приблизится к тому образу жизни, который вела ее мать. Но, похоже, она, наоборот, как в зеркале, копирует ее путь. Может, она зря не закончила то, зачем сюда приехала? А, может быть, то, что она жива, спасет от ошибок ее сестру?

«Есть и другие варианты».

Их десятки, сотни, тысячи... Они мелким шрифтом напечатаны на серой газетной бумаге. Правда, все это она уже проходила...

Глава 7

– Ну, и зачем ты вернулась? – спросила Полина свое отражение в зеркале. – Трусиха ты, Польшка!

Ее мобильный телефон ждал ее на зарядке на кухонном столе, будто она, действительно, просто забыла его, когда уезжала на учебу в город. В Маринкиной комнате было темно, и диктор спортивных новостей, который прощался с телезрителями в унисон с каким-то шипением, свидетельствовали о том, что бабушка опять уснула с включенным телевизором.

Еще какое-то время она всматривалась в свое отражение, мысленно задавая все те же вопросы. Если бы она, все-таки, решилась, то что скрывала бы эта бездна? Пустоту? Холодную землю? Рай? Ад? Другую жизнь? Если уйти, то будет ли там лучше? А есть ли смысл остаться? Есть ведь те, кто находят его. Они учатся, получают дипломы, женятся, выходят замуж, рожают детей, строят дома, магазины... в этом находят тот самый смысл.

А в чем же найдет она свой? Те приятные чувства, которые многие называют влюбленностью? Это всего лишь химическая реакция, результатом которой является яд, который, как сильный наркотик, опьяняет мозг и лишает жертву способности адекватно мыслить. Он толкает ее на глупости, которые она с радостью совершает. Зачем продолжать и опять попадать в тот же круговорот? Стоит ли искать, зная, что не найдет ничего нового? Можно было бы спросить у ее старого-нового друга, но ей совершенно не хотелось слушать никаких религиозных проповедей ни тогда, ни сейчас. Ей нужна была работа, только работа.

Поиски начались тем же вечером и продлились утром после завтрака. Все газетные объявления можно разделить на: неподходящие, серьезные и несерьезные. Неподходящие – это то большинство, включающее учителей, бухгалтеров, водителей-дальнобойщиков, инженеров, там, где с ее незаконченным специальным точно нет смысла звонить. Серьезные – это все остальные, от продавцов до администраторов, но они требуют опыта. Но все же, как раз на эту категорию и было больше всего надежд. На несерьезные Поля твердо решила, что больше не купится. Она уже это

проходила. Хоть «возраст не имеет значения, высшее образование необязательно, зарплата высокая» казалось приманкой на остром крючке, слишком халявно, чтобы быть правдой.

До разоблачения собственной наивности она даже наступила на эти грабли, когда пошла устраиваться дистрибьютором эксклюзивной косметики. В кабинете было еще, как минимум, 10 таких же соискателей, и всех их непременно взяли. Главной обязанностью оказалось расширение их просто волшебной продукции. Только для человека, который не силен в маркетинге, такой бизнес приносил немного прибыли. За два дня она почти ничего не заработала.

Еще были липовые брачные агентства. Получаешь процент от сообщений, отправленных тебе иностранцами. Звучит интересно и даже весело. А, говорят, в каком-то филиале одна девица, на самом деле, была покорена своим собеседником и приняла его предложение руки и сердца. И он, на самом деле, увез ее куда-то в Швейцарию или в Бельгию. Но Полину не очень привлекала перспектива получать деньги за «игры в любовь». Но, с другой стороны, разве «эскорт», даже чистый или белый, или как его еще называют – не то же самое?

Да, бесконечные поиски работы заканчивались одним и тем же. Зато теперь среди массы объявлений она могла четко распознать сетевой маркетинг, шарашкины конторы и телефонных жуликов. Во время очередного визита в Винницу она отнесла копии своего резюме в несколько магазинов, созвонилась с семьями, которые искали няню, и даже попала на три собеседования, и ей обещали перезвонить.

В интернет-салоне она решила проверить почту в надежде, что кто-нибудь из потенциальных работодателей воспользуется этим каналом связи. Но новостей не было, зато среди сообщений от неизвестных с громкими рекламными названиями в темах каким-то чудом ока-

залось одно от Антона. Она бы его удалила вместе с остальными, если бы в теме не было указано ее имя. Правда, прочитав его содержание, Полина с саркастической улыбкой собралась кликнуть на «delete». Надо же, он тоже пытался помочь ей найти работу, да еще и где? В Америке! Он решил, что с тем, что она шесть неполных месяцев приглядывала за детьми их общей знакомой и английским, которого он не слышал, но решил, что она потянет; так как она смогла понять, о чем пел паренек в магнитоле, то сможет стать подходящим кандидатом для культурной программы в

Америке. А у каких-то знакомых его знакомых даже есть знакомая семья в Джорджии, которым срочно нужна няня. Полина все же просмотрела мельком содержание ссылки, которую отправил ей друг с критериями для участия и списком документов, но потом это письмо должна была ожидать та же участь, что и весь виртуальный мусор, переполняющий ее электронку. Вся ее надежда была на то, что кто-нибудь отзовется на ее резюме.

Спустя еще неделю ее телефон решил подать признаки жизни, когда она почти забыла, какой рингтон у нее был на звонке. Это была Маша.

– Привет! Ну, как идут дела?

– Да вот, устроилась заместителем главного тунеядца в фирме «безработица».

– Так я и думала. Значит, у меня есть хорошие новости для тебя, дорогая.

– Правда? – Полина искренне надеялась, что это никак не связано с эскортом, но зря. Оказалось, что там, таки, есть местечко, и оно ждет ее, Полину.

Глава 8

На вокзал она прибыла так, что до собеседования оставалось время. Еще было слишком рано, а смешавшиеся страхи и предубеждения уже доводили ее до безумия. Если бы где-нибудь неподалеку нарисовалась аптека, можно было бы купить валериану или что-нибудь покрепче, что продается без рецепта. Но Поля все же боялась, что это каким-то образом может ослабить эффект двух чашек отвратительного растворимого эспрессо, которые она выпила еще в поезде. Выйдя из метро, пошла напрямик в сторону площади по шумному Крещатику. Окинув ее взглядом, она перевела взгляд на каштановые деревья, на высокую статую Берегини, блестящую на золотом солнце, и на фонтаны. Искрящиеся струйки выпрыгивали из-под земли в неожиданных местах, и двое малышей пытались затоптать их крохотными пятками. Полина подошла поближе, усмотрев для себя местечко рядом с Глобусом. Его голубой стеклянный купол на другой стороне площади по-прежнему казался чем-то вроде приземлившегося НЛО.

Это напоминало ей о тех временах, когда она приезжала сюда, будучи еще школьницей. Тогда он заманивал своей сказочной необычностью. Но вместо космических аппаратов и ультраумных компьютеров там, под землей, скрывалось лишь множество бутиков и магазинов... Ничего сверхъестественного. Когда ты взрослеешь, как же просто уходит загадочность, и необыкновенные вещи становятся простыми и обыденными. Впервые приехав сюда, она была чуть старше Марины сейчас. Тогда даже эскалаторы, эти сумасшедшие живые ступеньки, казались чем-то украденным из фантастического будущего. Когда же успели они потерять свое волшебство, и куда спрятала жизнь свою улыбку, и неужели эта суетная реальность когда-то застанет врасплох и Марину? Материнские чувства, которые она испытывала к сестре, добавляли ей решительности. Наблюдая за спокойствием, царящим в центре столицы, она пыталась найти ответ на вопрос, что именно она чувствует по отношению к этой работе? Страх? Отвращение? Это ведь сопровождение, просто сопровождение, что бы там ни предлагали, ни на что другое она не согласится.

Конечно, если об этом узнают ее старые знакомые, то стены их клуба рядом с техникумом просто взорвутся от сплетен:

– Представляешь, она работает в эскорт-сервисе, – шепнет на ушко Яну его новая подруга.

– Ну, что же, она нашла себе местечко по достоинству, – нежно ответит он, глядя в ее красивые глупенькие глазки.

И для местной полиции нравов на лавочках у подъезда это будет просто сенсацией! Их мнение ей всегда было безразлично. Но, почему-то, ее все еще волновало, что о ней подумает Ян. Она по-прежнему вспоминала о нем. Если бы просто вспоминала. Она даже закрыла страницу в соцсети, чтобы уберечь себя от погони за информацией о нем. Что он делает? Где он? С кем он? Она ведь давно уже должна была о нем забыть.

Закончив слишком приправленный горчицей бутерброд, Полина спустилась в метро. В это время там было не много народа и более прохладно, чем на улице. Усевшись на сидение, она пропустила несколько поездов, чтобы более подробно изучить названия остановок.

Когда она будет жить в Киеве, ей непременно придется купить карту, но пока Полина плохо в нем ориентировалась. Конечно, она и раньше знала знаменитую станцию «Крещатик», как к ней проехать от вокзала, и ту, где нужно было выйти, чтобы попасть к старому дому Маши. А туда, где должно было проходить интервью, нужно было ехать почти в самый конец. «Почему их офис находится так далеко? Разве VIP-клиентам не проще было бы добираться до него в центр? Скорее всего, оно подпольное», – этих тревожных мыслей стало еще больше, когда она вошла в вагон метро. В таком случае, даже нет смысла рассчитывать, что ее права будут защищаться. Ей не хотелось, чтобы снова произошло то, что она однажды пережила.

Перед глазами вновь появился самый отвратительный кошмар ее жизни, и страха стало так много, что ей хотелось бежать. «Но нет, может быть это просто один из его филиалов, или собеседования по трудоустройству только там проходят», – успокаивала она себя, но опасения все же не проходили.

Среди других станций на этой ветке было и другое знакомое название. Кажется, оно было указано в одной из ссылок, которые прислал Антон. Доезжая туда, Полина вспомнила фото на его стене. Как же она хотела оказаться на ее месте. Как же ей самой хотелось, хоть на мгновение длиной в скорость вылета вспышки фотоаппарата стать девушкой у Бруклинского моста. Полина ведь уже взрослая, а взрослые понимают, что простушке из деревни, из семьи, которая едва ли сводит концы с концами, даже мечтать об этом просто бессмысленно. Еще несколько остановок, и она будет устраиваться на свою первую настоящую, полноценную работу. Нужно перестать мечтать. Нужно сосредоточиться и еще раз продумать свои ответы на вопросы потенциального начальника. Мужской голос объявил название станции, опять не той, которая ей была нужна. Перед ней открылись двери. Казалось, они не закрывались дольше, чем обычно...

Глава 9

Удивительный летний день не переставал одевать окрестности в солнце, позволяя ветру умирять его палящий зной. Еще немного, и закончится это нарастающее волнение, и она сможет торжествовать от благоприятного состояния погоды. Но не сейчас.

От этого собеседования зависело слишком много, и Полина с трудом переживала мгновения, когда понимала, что даже не придумала никакой альтернативы на случай, если получит отказ. Она так и не нашла настоящей работы и упустила свой шанс устроиться в эскорт-сервис, и точно не станет просить Машиного жениха опять замолвить за нее словечко после того, как без предупреждения не явилась на собеседование три месяца назад.

Вместо этого она решила зацепиться за тонкую соломинку возможности, о которой ей рассказал Антон. К счастью, Полина понравилась той американской семье, которой нужна была няня, и это значительно сэкономило время. Остался последний шаг, но он, пожалуй, самый решающий.

Сотню раз посмотрев на себя в зеркало утром, и столько же раз перелистав все собранные документы, Полина была настроена решительно. Образ «смайт-кежуал», тщательно подобранный под этот день, был определенно не ее, поэтому она все же добавила к нему сережки из бисера, которые смастерила сама вчера вечером в поезде, чтобы хоть как-то себя отвлечь. По сути, это была единственная деталь в ее образе, отображающая настоящую Полину Кравец. Была еще небольшая, больше похожая на сумку папка для документов, обшитая голубыми цветами из лент и бисера, которая тоже родилась из утробы ее воображения в мир реальности просто так, от скуки.

Просторная беседка на миловидной территории американского посольства казалась камерой в огражденном колючей проволокой концлагере. Ее сердце в унисон с еще порядка двадцатью сердцами людей, находящихся в ней, билось как маятник, подсоединенный к атомному реактору. Полина заставляла себя не слушать разговор за своей спиной о статистике отказов в последнее время и о том, к какому окошку лучше не подходить, стараясь сосредоточиться на мысленной репетиции предстоящего интервью с консулом.

За последние несколько недель ей пришлось выслушать массу совершенно разных советов, касающихся этого интервью. Идея одеться как можно строже принадлежала Маше. Она же выпросила справку у директора одной фирмы средней солидности, что Полина работает там секретарем, чтобы было больше вероятности того, что у девушки есть причины возвращаться. Эта самая справка была той крепкой опорной стеной для Полины, которая на самом деле нигде не работала, не училась и не имела ни копейки на счету в банке, что делало ее потенциальным нелегалом.

Конечно же, убежденный идеалист Антон утверждал, что нужно быть определенно честной по нескольким причинам: во-первых – это не нарушает ни одной из десяти заповедей, во-вторых – в посольстве работают настоящие эксперты по невербальному языку, тебя видят насквозь, и всякая неправда легко читается по твоим глазам, рукам, губам и интонации. «Поэтому будь честной и не волнуйся», – утверждал он, – «ведь даже если визу не откроют, значит так угодно Богу, а Он что ни делает, все к лучшему».

Для Полины с ее утвердившейся философией, склонной к атеизму, для достижения цели можно было бы и нарушить закон, если никому при этом не навредить, а в данной ситуации она должна сделать все, что от нее зависит, поэтому она больше прислушалась к совету кухни.

Осталось лишь немного времени, и подойдет ее очередь покидать беседку. Можно еще раз проверить свой список документов, идеально выставленный в порядке, в котором, скорее всего, его будет спрашивать консул. Паспорт, страховка, переписка с семьей и ... Полина еще раз пересмотрела документы в том же порядке, и ее сердце сжалось как под прессом для

опилок. Там не хватало справки, которую Машка потом и кровью для нее достала. Слишком поздно, но очень ярко вспомнилось утро, когда она решила сделать копию прямо перед отъездом, так как копии остальных документов у нее были, а справка подошла позже. Вспоминая каждый момент, она видела, как вытягивала справку, как сканировала ее и сохраняла на рабочем столе, но о том, как ставила ее обратно в папку, воспоминание совершенно отсутствовало. Нет, нет! Нет сомнений, она не могла забыть столь важный документ, это ведь все равно, что на экзамен явиться без зачетной книги. И что теперь? Наверное, Антон об этом молился, чтобы ей не удалось быть нечестной. Вот только зря. Теперь она всю жизнь будет проклипать его за то, что он рассказал ей об этой возможности, и тем самым заставил ее поверить в несбыточное, ради которого она рискнула своим шансом устроиться на реальную работу.

За последние несколько месяцев эта мечта стала казаться действительной. Она много читала об этой программе на форумах, и даже сама лично познакомилась с людьми, которые улетели и успели выложить фото в соцсетях. А несколько недель назад на дисплее ее телефона засветился американский номер телефона, и она впервые говорила с настоящими носителями английского языка без посторонней помощи. Она сумела их понять, и даже отвечать на их вопросы так, что они сами ее понимали, несмотря на то, что некоторые из этих носителей языка были дети. И если в вопросах выезда за границу нужно быть сверх осторожной из-за частых случаев мошенничества, то за эти месяцы Полина даже в этом вопросе сумела успокоиться. Она тайком попросила Машкиного жениха помочь проверить лицензию агентства, которое помогало ей с документами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.